

Universum Historiae et Archeologiae
The Universe of History and Archeology
Універсум історії та археології
Универсум истории и археологии

ISSN 2664–9950 (Print)

ISSN 2707–6385 (Online)

2019. Vol. 2(27). Issue 2, pp. 272–280

doi 10.15421/26190221

<http://www.uha.dp.ua>

УДК 902.21

Курганы энеолита-раннего железного века у с. Калиновка в Днепропетровском Надпорожье

З. П. Марина

к. и. н., доц.

ORCID: 0000–0003–1759–0679

romashko.a.v@gmail.com

А. В. Ромашко

к. и. н., доц.

ORCID: 0000–0002–5474–5468

romashko.a.v@gmail.com

*Днепропетровский национальный университет
имени Олеся Гончара,
проспект Гагарина, 72, г. Днепр,
49010, Украина*

Аннотация. Целью статьи является анализ материалов курганов, исследованных экспедицией ДНИМ им. Д. И. Яворницкого в 1973 г. (рук. Л. П. Крылова) у с. Калиновка Солонянского р-на Днепропетровской области. *Методы исследования:* сравнительно-исторический, типологический, хронологический, описательный. *Основные результаты:* рассмотрены особенности курганной архитетоники и погребальных комплексов энеолита-раннего железного века. Установлено, что первичная насыпь кургана № 1, фиксируемая по V-образному ровику, насыпана для основного п. № 7 постмариупольской культуры. С ним связано устройство околмогильной вымостки деревом с отдельными включениями камней и своеобразного покрытия подкурганной площадки слоем глины. Оба ритуальных действия известны в постмариупольских погребениях Поднепровья и Днепропетровского Надпорожья. Отмечено присутствие в к. № 1 ямных и срубных погребений. Культурная принадлежность погребений кургана № 2 определена ранним железным веком по исследованным в нем четырем скифским погребениям. Насыпь окружал ровик с двумя перемычками, прослежены камни кромлеха.

© Марина З. П., Ромашко А. В., 2019

Все погребения совершены в однотипных катакомбных могилах, которые получают распространение в Северном Причерноморье в IV–III вв. до н. э. Основное п. № 3 коллективное – двух взрослых (мужчина и женщина) и ребенка. Положение – вытянуто на спине, головой на В. Погребение неоднократно подвергалось ограблению. Среди многочисленного инвентаря (наконечники стрел, бляха «петушок», лутерий, составное веретено, бусы с внутренним золочением) присутствует часть бронзового котла. Датируется комплекс второй половине IV – началом III вв. до н. э. Прижизненный социальный статус мужчины п. № 3 в иерархии «держателей котлов» соотносится с главой рода нижней аристократической прослойки скифского социума. Три могилы содержали разновозрастные погребения детей, сопровождавшиеся украшениями. Их статус неоднозначен, т. к. может отражать как родовую или племенную близость к погребенным в п. № 3, так и зависимое положение относительно ребенка в п. № 3 как возможного наследника достаточно высокого социального ранга отца. *Выводы:* проанализированные материалы определяют время возникновения курганного могильника у с. Калиновка энеолитом. Присутствующие постмариупольские погребения маркируют появление курганного обряда в Степи и Предстепье Украины. Дальнейшее функционирование связано с ямными и срубными комплексами. Позднейший культурно-хронологический пласт образуют скифские погребения, отражающие процессы социальной стратификации общества. *Практическое значение:* публикуемые материалы могут быть использованы при написании обобщающих исследований по проблемам археологии энеолита-раннего железного века Украины. *Научная новизна:* определены культурно-хронологические особенности курганного строительства и погребальных комплексов у с. Калиновка Солонянского р-на Днепропетровской области. *Тип статьи:* аналитическая.

Ключевые слова: постмариупольская культура; ямная культура; скифы; погребальный обряд; социальный статус, «держатели котлов»

Поступила в редколлегию 28.09.2019

Прорецензирована 12.12.2019

Рекомендована в печать 26.12.2019

Universum Historiae et Archeologiae
The Universe of History and Archeology

Універсум історії та археології
Универсум истории и археологии

ISSN 2664–9950 (Print)

ISSN 2707–6385 (Online)

2019. Vol. 2(27). Issue 2, pp. 272–280

doi 10.15421/26190221

<http://www.uha.dp.ua>

УДК 902.21

Кургани енеоліту-раннього залізного віку біля с. Калинівка у Дніпровском Надпорожжі

З. П. Маріна

к. і. н., доц.

ORCID: 0000–0003–1759–0679

romashko.a.v@gmail.com

О. В. Ромашко

к. і. н., доц.

ORCID: 0000–0002–5474–5468

romashko.a.v@gmail.com

*Дніпровський національний університет
імені Олеся Гончара,
проспект Гагаріна, 72, м. Дніпро,
49010, Україна*

Анотація. Метою статті є аналіз матеріалів курганів, що досліджувалися експедицією ДНІМ ім. Д. І. Яворницького у 1973 р. (кер. Л. П. Крилова) біля с. Калинівки Солонянського р-ну Дніпропетровської області. *Методи дослідження:* порівняльно-історичний, типологічний, хронологічний, описовий. *Основні результати:* розглянуто особливості курганної архітекτονіки та поховальних комплексів енеоліту-раннього залізного віку. Встановлено, що первинний насип кургану № 1 фіксується за V-подібним рівчаком і насипаний для основного п. № 7 постмаріупольської культури. Із ним пов'язано облаштування навколо могили вимостки деревом з окремими включеннями каменів та своєрідного покриття підкурганного майданчика шаром глини. Обидві ритуальні дії відомі у постмаріупольських похованнях Степового Подніпров'я та Надпоріжжя. Відзначена присутність у к. № 1 ямних та зрубних поховань. Культурна належність поховань кургану № 2 визначена добою раннього залізного віку за присутністю в ньому чотирьох скіфських поховань. Навколо насипу рівчак із двома перемичками, прослідковано камені кромлеху.

Усі поховання здійснені у однотипових катакомбних могилах, які домінували в Північному Причорномор'ї в IV–III ст. до н. е. Основне п. № 3 колективне – двох дорослих (чоловік і жінка) і дитини. Кістяки випростані на спині, головою на Схід. Поховання неодноразово грабувалося. Серед численного інвентарю (вістря стріл, бляха «півник», лутерій, веретено, намисто з внутрішньою позолотою) присутня частина бронзового казана. Датується комплекс другою половиною IV- початком III ст. до н. е. Прижиттєвий соціальний статус чоловіка з п. № 3 в ієрархії «утримувачів казанів» співвідноситься з очільником роду нижнього аристократичного прошарку скіфського соціуму. Три могили утримували різновікові поховання дітей у супроводі прикрас. Їхній статус визначається неоднозначно тому, що може віддзеркалювати як родову або племінну спорідненість до осіб у п. № 3, так і залежний стан щодо дитини у п. № 3 як можливого нащадка достатньо високого соціального рангу батька. *Висновки:* проаналізовані матеріали визначають час появи курганного могильника біля с. Калинівки енеолітом. Досліджені тут постмаріупольські поховання маркують появу курганного обряду в Степу та Передстепові України. Подальше функціонування пов'язано з ямними та зрубними комплексами доби бронзи. Найбільш пізній культурно-хронологічний пласт утворюють скіфські поховання, які віддзеркалюють процеси соціальної стратифікації суспільства. *Практичне значення:* опубліковані матеріали можуть бути використані при написанні узагальнювальних досліджень з проблем археології енеоліту-раннього залізного віку України. *Наукова новизна:* визначені культурно-хронологічні особливості курганного будівництва та поховальних комплексів біля с. Калинівка Солонянського р-ну Дніпропетровської області. *Тип статті:* аналітична.

Ключові слова: постмаріупольська культура; ямна культура; скіфи; поховальний обряд; соціальний статус; «утримувачі казанів»

Надійшла до редколегії 28.09.2019

Прорецензована 12.12.2019

Рекомендована до друку 26.12.2019

Universum Historiae et Archeologiae
The Universe of History and Archeology

Універсум історії та археології
Универсум истории и археологии

ISSN 2664–9950 (Print)

ISSN 2707–6385 (Online)

2019. Vol. 2(27). Issue 2, pp. 270–280

doi 10.15421/26190221

<http://www.uha.dp.ua>

LCC CC 83–97

Barrows of the Eneolithic-Early Iron Age in the Kalinovka in the Dnieper Nadporozhye

Z. P. Marina

Candidate of Historical Sciences

ORCID: 0000–0003–1759–0679

romashko.a.v@gmail.com

A. V. Romashko

Candidate of Historical Sciences

ORCID: 0000–0002–5474–5468

romashko.a.v@gmail.com

*Oles Honchar Dnipro National University,
 Haharina avenue, 72, Dnipro, 49010, Ukraine*

Abstract. *The main aim* of this article is description and publication of the materials of two barrows which was explored by the expedition of the Dmytro Yavornytsky National Historical Museum of Dnipro by L. P. Krylova in 1973. They located near the village Kalinovka of Solonyansky district of Dnipropetrovsk region. *Methods:* comparative-historical, typological, chronological, descriptive. *Main results:* The barrows near the village Kalinovka of Solonyansky district of Dnipropetrovsk region belonged to a large burial ground, which was partly destroyed. Only the mound with a sign of triangulation remained was saved at the time of excavation. The mound 1 was build in two construction receptions. The primary mound, fixed on the V-shaped ditch, is filled for the main grave 7 of post-mariupol culture. It is connected with the device of a near-tomb pavement made of wood with separate inclusions of stones and a peculiar covering of the sub-square site with a layer of clay. Both ritual actions are known in a member of post-mariupol burials of the territorial variant of the Steppe Dnieper and Dnieper Nadporozhye. The main markers of the burial rite of the post-Mariupol burials are the shape of the burial pit, elongated position of the deceased on the back, orientation to East, the presence of ocher carmine color. The

group of pit burials (№№ 3,5,6,9) forms the second cultural-chronological horizon. One of them may be associated with a ring filler, which brought the mound to a modern size. The most recent are burials of zrubna culture (№№ 2,8), in one of which ceramic fragments were found. Cultural identity of grave 1 has not been established. Barrow 2 was 4 m high and 30 m in diameter, was erected for four simultaneous Scythian burials. The embankment was surrounded by a ditch with two bridges at the East and Nord edges, 1,5 m in length and bones of animals from the reed. Outside the pit, vertically standing stones of the cromlech are traced. All the graves are made in the same type of catacomb, which are distributed in the Northern Black Sea in the IV–III centuries BC. The main grave 3 was collective – two adults (a man and a woman) and a child. The surviving in situ parts of the male skeleton testify to the position of the burials elongated on the back, the head to the East. The burial was repeatedly robbed. At the entrance to the chamber, from the inside, a part of the wall of a bronze boiler was found. For the chronological definitions, well-dated categories of inventory (arrowheads and ect.) are involved, allowing to date grave 3 to the second half of the IV-beginning of the III BC. The life-long social status of a man of grave 3 in the hierarchy of the «caldron-holders» is related to the head of the genus of the lower aristocratic stratum of the Scythian society. The three graves contained various age burials of children, accompanied by ornaments. Their status is ambiguous since may reflect both generic or tribal affinity with those buried in grave 3, and a dependent position relative to the child in grave 3 as a possible heir to a sufficiently high social rank of the father. *Concise conclusions:* The obtained materials allow to determine the time of occurrence of a burial mound near the village. Kalinovka by the Eneolithic in the presence of post-mariupol burials, which mark the appearance of a mound rite in the Steppe and Pre-Dnieper Ukraine. Its further functioning is connected with the Bronze Age, represented by pit and log complexes. The later cultural and chronological layer is formed by the Scythian burials, which reflect the processes of social stratification of the society. *Practical meaning:* the published materials can be used in generalizing research of the problems of archeology of the Early Iron Age of Ukraine. *Scientific novelty:* the cultural and chronological features of mound construction and burial complexes near the village Kalinovka of Solonyansky district of Dnipropetrovsk region had been determine. Type of article: analytical.

Keywords: Post-mariupol; Yamna culture; Scythian; Burial rite; Social status; «Caldron-holders».

Received 28.09.2019

Reviewed 12.12.2019

Accepted 26.12.2019

Постановка проблемы. Днепровское Надпорожье в силу природно-географических условий образует отдельный археологический микрорайон. Исследованные здесь разновременные памятники оставлены древним населением, которое сформировало своеобразные адаптивные модели хозяйства в соответствии с экологической нишей региона, что в значительной степени определило их культурно-хронологическое своеобразие. Поэтому введение в научный оборот новых материалов, которые происходят из исследованных курганов у с. Калиновка, дополняет источниковедческую базу по вопросам этнокультурной специфики региона и является актуальным.

Целью статьи является анализ материалов курганов, исследованных экспедицией ДНИМ им. Д. И. Яворницкого в 1973 г. (рук. Л. П. Крылова) у с. Калиновка Солонянского р-на Днепропетровской области.

Методы исследования: сравнительно-исторический, типологический, хронологический, описательный.

Изложение основного материала и результаты. В 1973 г. отрядом Днепропетровского национального исторического музея им. Д. И. Яворницкого (рук. зав. отделом археологии Л. П. Крылова)¹ проведены археологические спасательные работы в Солонянском районе Днепропетровской области (Крылова, Елинов 1973; Крылова, Елинов 1975, с. 306–307). Курганная группа в составе пяти визуально наблюдаемых и нескольких пятен от распаханных насыпей находилась к югу от с. Калиновка, по обе стороны дороги на с. Вовниги. На вершине наибольшего по размерам кургана (высота около 5 м) установлен знак триангуляции. На 1973 г. в могильнике сохранились только две насыпи (кроме кургана со знаком), одна из них практически сnivelирована при вспашке поля. Работы по доисследованию погребений финансировались Днепропетровским областным управлением Украинского общества охраны памятников истории и культуры (Крылова, Елинов, 1973).

Курган № 1 находился на расстоянии 30 м к Югу от кургана со знаком триангуляции. Высота достигала 1 м от уровня современной поверхности,

диаметры С-Ю и З-В составляли соответственно 36 и 39 м. Исследовано девять погребений, которые относятся к энеолиту – бронзовому веку.

Иллюстративная часть «Отчета» отражает, по нашему мнению, два строительных периода в возведении кургана. Об этом свидетельствует фиксируемый в Ю профиле ЦБ кольцевой ровик V-образной формы, вырытый на глубину погребенной почвы, его ширина около 0,3 м. Устанавливаемый по нему диаметр насыпи составляет около 12 м.

Курган возведен для основного п. № 7 постмариупольской культуры, которое произведено практически по центру подкурганной площадки. Судя по ЦБ, его устройство сопровождалось особыми ритуальными действиями, которые имеют место в территориально близких однокультурных памятниках региона (Ковалева, 1984, с. 10–11). Речь идет об отмеченных при раскопках аморфных скоплениях камней и дерева в непосредственной близости от п. № 7, которые могут быть интерпретированы как остатки околomoгильной вымостки подкурганной площадки деревом в сочетании с камнями. И. Ф. Ковалева при выделении территориальной группы постмариупольских погребений Степного Поднепровья и Днепровского Надпорожья, отметила наличие каменных закладок, что не исключает возможного их присутствия и в данном случае. Вызывает также интерес видимый в бровке слой материковой глины, который равномерно размещен к С и Ю от деревянно-каменной конструкции в пределах пространства, фиксируемого ровиком. Очевидно, такое использование глины в ритуальных целях тождественно грязевым обмазкам, которые также составляют специфику памятников данной культурно-территориальной группы (Ковалева, 2001, с. 82).

Могила основного п. № 7 вытянуто-овальной формы размерами 2,1 x 0,9 м. Скелет взрослого мужчины лежал вытянуто на спине, головой на В. Руки положены вдоль тела, левая – чуть согнута в локте, ноги – выпрямлены. На дне ямы и по скелету фиксировалась посыпка охрой специфического карминно-розового цвета, мелкие гранулы которой встречены также в грунте, который заполнял могилу. В нем же найден кремневый отщеп с неснятой меловой коркой. Среди костей грудного отдела собраны медные цилиндрические пронизи (28 экз.), свернутые из тонкого металлического листа, края закреплены заклепкой. Длина – около 2,5 см, диаметр – 1,5–2 мм. Недалеко от правого плеча найден

¹ Авторы благодарны Дирекции Днепропетровского национального исторического музея им. Д. И. Яворницкого и зав. фондами археологии ст. науч. сотр. Сердюк М. И. за возможность работать с коллекцией артефактов из раскопок у с. Калиновка.

комков охры, который по цвету и структуре аналогичен упоминаемой выше.

Погребение № 4 в отчете отнесено к ямной культуре, однако по сумме признаков определяется нами как постмариупольское. Находилось на удалении 6 м на СВ от условного центра, на глубине 1,13 м от поверхности, на одной оси с п. № 7. Стратиграфическое соотношение между ними не установлено. Могила не прослежена. Скелет взрослого лежал вытянуто на спине головой на СЗ-З. Руки протянуты вдоль тела, ноги в коленях разведены, стопы направлены в стороны. Кости со следами охры.

Следующий культурно-хронологический горизонт образует группа погребений ямной культуры – № 3, 5, 6, 9, стратиграфическая позиция между которыми не установлена из-за разрушения насыпи в ходе антропогенной деятельности. Возможно, именно с одним из них связана кольцевая досыпка, доведшая курган до современных размеров.

Погребение № 3 впущено на расстоянии 1,5 м к С от условного центра. Могила не прослежена, фиксируются отдельные пятна растительной подстилки со следами окрашивания красной охрой. Скелет не сохранился, найдены молочные зубы ребенка, что косвенно указывает на возможный возраст погребенного – от 1,2 года.

Погребение № 5 впущено на расстоянии 8 м на СВ от условного центра. Могила подовальной формы размерами 0,9х0,65 м зафиксирована на уровне древнего горизонта, продольно ориентирована в широтном направлении. Дно со следами растительной подстилки и посыпки охрой. Скелет ребенка лежал скорченно на спине, головой на З. Руки протянуты вдоль тела, поднятые в коленях ноги уложены вправо. На костях – следы окрашивания охрой.

Погребение № 6 впущено в центральную часть насыпи. По стратиграфическим наблюдениям авторов раскопок, могила прорезала яму основного п. № 7. В бровке прослежены фрагменты перекрытия, состоявшего из деревянных плах, которые, возможно, лежали на заплечиках. Яма прямоугольной формы, размерами 1,6 х 0,8 м, ориентирована В-СВ – З-ЮЗ, дно со следами посыпки охрой. Скелет взрослого лежал скорченно на спине, головой на ЮЗ. Руки протянуты вдоль тела, ноги подняты в коленях.

Погребение № 9 произведено в 4 м к СВ от условного центра. Могила прямоугольной формы размерами 1,7 х 1,15 м ориентирована на ЮЗ-СВ. Дно на глубине 1,9 м со следами посыпки красной охрой. От скелета сохранились фрагменты трубчатой кости.

Погребения №№ 2 и 8 относятся к срубной культуре. Первое из них находилось в верхнем отделе насыпи и практически разрушено.

Сопровождалось двумя фрагментами керамики «эпохи поздней бронзы», о которых указано в полевой описи «Отчета». Погребение № 8 совершенно на расстоянии 7,3 м от условного центра к СЗ. Могила незначительных размеров (0,6 х 0,4 м –?) ориентирована на СВ-ЮЗ. Скелет взрослого лежал в сильно скорченном положении на левом боку, головой на СВ. Безинвентарное.

Впускное п. № 1 так же разрушено при вспашке, что не позволило определить его культурную принадлежность.

Курган № 2 находился на удалении 20 м от дороги на с. Вовниги, справа от нее. К моменту раскопок насыпь снята до уровня материка (рис. 1: 1, 6, 7). По словам местных жителей, курган достигал высоты около 4 м при диаметре до 30 м. Последнее подтверждается наличием ровика с двумя перемычками у восточного и западного краев, протяженность каждой из них достигала 1,5 м (рис. 1: 1). Ширина ровика на уровне обнаружения варьирует от 0,7 до 0,9 м, у дна – 0,2 м, глубина на дно – 0,7 м (иногда достигает 1 м). Стенки рва с внешней стороны отвесные, с внутренней – скошены под углом в 45°. Поблизости от В перемычки ровика обнаружена нижняя челюсть лошади (?), что, очевидно, свидетельствует о наличии тризны как составляющего элемента погребального обряда.

Курган окружал кромлех, прослеживаемый за пределами ровика в западной части насыпи. Отдельные камни, несмотря на значительное разрушение, сохранялись в вертикальном положении (рис. 1: 6).

Планиграфические наблюдения за размещением могильных ям всех доисследованных на подкурганном пространстве погребений позволило авторам раскопок сделать вывод об их одновременности. Об этом, на наш взгляд, может свидетельствовать ряд факторов: могильные сооружения основного погребения № 3 и детских захоронений №№ 1, 2 и 4 расположены практически на одной оси и сохраняют близкие параметры относительно размеров и глубины, ориентации погребенных и пр.

Погребение № 1 – выявлено к Ю от условного центра кургана (рис. 1: 2). Входной колодец катакомбной могилы и часть погребальной камеры разрушены при снятии курганной насыпи. Дно камеры фиксировалось в виде овального углубления длиной 1,8 м и шириной 0,6 м, продольная ориентация В-З. На дне сохранилась верхняя часть детского скелета. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой ориентирован на В. Правая рука – вдоль тела, кисть отсутствует, левая – слегка согнута в локте. Череп склонен к правому плечу. Слева у головы и под черепом обнаружены бронзовые височные кольца. В районе шейных позвонков и у ле-

вой кисти собраны бочонковидные бусины из стекловидной пасты².

Описание находок:

1. Бронзовое, прямоугольное в сечении, височное кольцо, диаметр 3,5 см, сторона сечения – 0,2 см (рис. 1: 3).

2. Бронзовое, круглое в сечении височное кольцо с гладкими сплюснутыми, заходящими друг на друга, концами. Диаметр – 2,6 см, сечения – 0,2 см (рис. 1: 4).

3. Пастовые бочонковидные бусины (16 экз.) диаметром от 0,5 до 0,8 см со следами темной перламутровой патины (рис. 1: 5).

Погребение № 2 располагалось на расстоянии 4 м к С от погребения № 1 (рис. 2: 1). Входной колодец в виде узкого прямоугольника с заокругленными углами размерами 1,45 × 0,5 м прослежен на глубину 2,8 м. Ориентирован в широтном направлении. В заполнявшем грунте встречены отдельные кости скелета ребенка. На дне найдена сланцевая плита, которой, очевидно, закрывался вход в погребальную камеру. Последняя впритык примыкала к колодцу с севера. Форма овальная, размеры 1,8 × 1,2 м. Дно камеры ниже дна входной ямы на 0,2 м, высота сохранившейся части свода составляла 0,6 м. В заполнявшем погребальную конструкцию грунте на разных уровнях собраны мелкие фрагменты костей ребенка, стеклянные и пастовые бусы, два золотых височных кольца. На дне *in situ* сохранились кости кистей и нижней части скелета погребенного ребенка. Положение восстанавливается как вытянутое на спине, головой на В. На кистях собраны бусины из пасты и стекла.

Описание находок:

1. Височные кольца (2 экз.) – золотые 330 пробы весом 1,2 г и 1,29 г. Диаметр 2,1 см. Изготовлены из круглой в сечении проволоки диаметром 2 мм. Края ровные, заходящие друг на друга (рис. 2: 3, 4).

2. Бусины (45 экз.) – из пасты и стекла, патенированы, диаметром от 1,3 до 3 см различных форм: пастовые цилиндрические приземистые глазчатые (14 – со светло-желтыми вставками на темно-сером фоне; одна – на светло-сером фоне со светлыми вставками); пастовая – шаровидная с многочисленными темно-серыми глазками на светлом охристом фоне; пастовые шаровидные глазчатые (семь экз., синие и зеленые глазки на коричневом фоне), пастовые цилиндрические (10 экз. темно-серого цвета, патенированы); стеклянные желобчатые или сегментовидные (два экз. приглушенного оливкового цвета, патенированы); пастовые слегка приплюснутые, шаровидные (два экз. синего цвета с бледно-желтой горизонтальной полосой,

одна бусина сохранилась частично); цилиндрические неорнаментированные (шесть экз. коричневого и светло-бежевого цветов); бородавчатая с желтыми шаровидными отростками на коричневом фоне, глазки синие с желтым; цилиндрическая сегментированная и биконическая сегментовидная (рис. 2: 2).

3. Подвески трапецевидной формы со сквозными просверленными отверстиями в верхней части (рис. 2, 8). Изготовлены из пористого камня светло-бежевого цвета с вкраплениями, одна имеет более плотную структуру, зашлифована. Максимальные размеры 2,8 × 1,8 см, толщина 0,6 см.

4. Подвеска (рис. 2: 5) бронзовая, треугольной в плане формы, со стороной 3,3 см, толщина – 0,1 см. Орнаментирована ассиметрично нанесенным пуансоном, ушко сломанное.

5. Раковина семейства «*Rapana venosa*», размерами 4 × 3,5 см.

Кроме вышеперечисленных в отчете предметов, в фондах ДНИМ находятся 10 шаровидных и цилиндрических пастовых бусин светло-охристого цвета, диаметром от 0,3 до 0,5 см.

Погребение № 4 – впущено к СВ от погребения № 3, в четырех метрах к ЮВ от грабительского входа. Сохранилась придонная часть погребальной камеры размерами 1,1 × 0,75 м, продольной осью ориентирована в широтном направлении. Скелет ребенка с молочными зубами фрагментирован. Положение вытянуто на спине, головой на В. У шейных позвонков найдены стеклянные амфоровидные бусины, у кистей собраны пастовые бусины и изделие из бронзы, интерпретируемое авторами раскопок как обоймочка, а нами рассматривается в качестве перстня.

Описание находок:

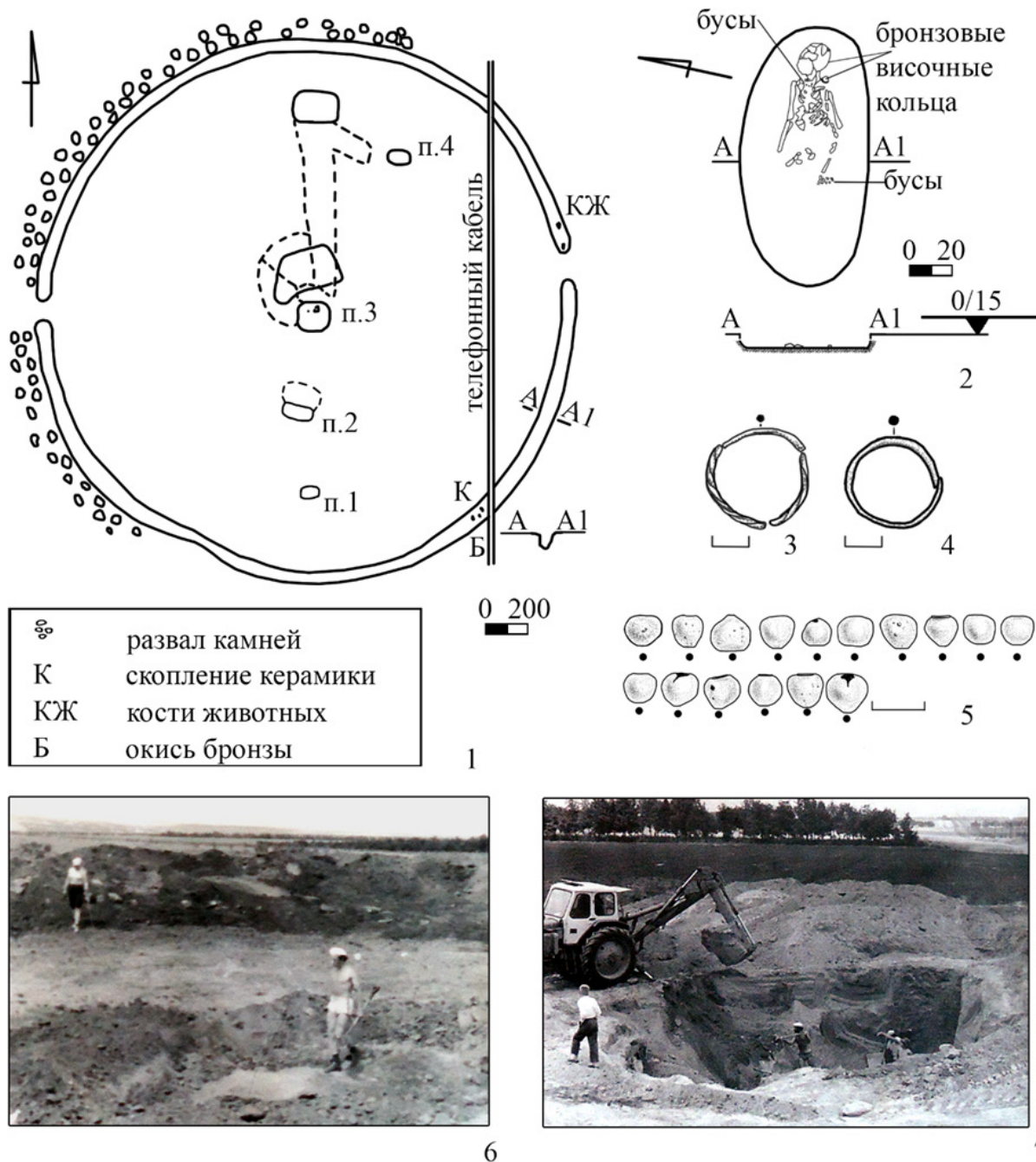
1. Пастовые бусины (7 экз.) – амфоровидные со следами плакирования золотой фольгой, максимальный диаметр 1 см, высота до 1,6 см. Поверхность патенирована, в двух изделиях «ножка амфоры» расчленена (рис. 2: 7).

2. Бусины (24 экз.) пастовые цилиндрические, максимальный диаметр 0,5 см, светло-бежевого цвета с золотисто-розовой перламутровой патиной (четыре экз.), светло-коричневой шершавой поверхностью (семь экз.), агатовые (13 экз) (рис. 2: 6).

3. Перстень бронзовый с гладким подовальным щитком, края не сомкнуты. Размеры – 1,4 × 1 × 0,3 см (рис. 2: 9).

Погребение № 3 – основное (рис. 3: 1). Входная яма катакомбы почти круглой формы, размерами 1,6 × 1,5 м находилась по центру подкурганной площадки, ограниченной ровиком. Заполнение состояло из затечного грунта, что свидетельствует об ограблении через входной колодец. В нем на глубине 2,7 м обнаружены разбросанные кости человека

² В отчете Л. П. Крыловой материал бусин указан как кость.

и фрагменты бронзовой пластины. Ниже лежала сдвинутая в сторону аморфная плита, служившая заслоном входа в камеру. Размеры: длина – 1,2 м, ширина – 0,4 м, толщина – 0,2–0,3 м. Вход в камеру устроен в СВ части входной шахты. Вокруг плиты и под ней, найдены бронзовые обоймочки и трехлопастный наконечник стрелы. При углублении до 3,4 м у В стены обнаружены части сильно коррозированного железного наконечника копья.

Ниже плиты яма заполнена грунтом с примесью глины, дно установлено на 3,8 м от обнаружения. По центру выявлено углубление до 0,5 м,

круглой формы, связанное, очевидно, с действиями грабителей.

Проход в камеру арочной формы размерами 1 × 0,5 м. Камера выведена в северный сектор кургана, форма подпрямоугольная с заокругленными углами, ориентирована в широтном направлении. Камера соединялась с колодезем посредством дромоса общей протяженностью 3,5 м.

На дне камеры вне анатомической связи сохранились многочисленные кости погребенных в ней людей. Погребение коллективное – двух взрослых (мужчина и женщина) и ребенка. В положении *in*

situ лежали кости ног мужского скелета, свидетельствующие о том, что погребенные положены вытянуто на спине, головой ориентированы на В. Рядом с фалангами пальцев ребенка обнаружены пастовые бусы синего цвета, среди костей взрослых найдены четыре двукольчатых золотых подвески.

У входа в камеру, с внутренней стороны, найдена часть стенки бронзового котла с отогнутым краем венчика размерами $12 \times 7-8$ см.³ На незначительном удалении от него лежала часть лутерия, фрагменты которого уже встречались в различных частях погребальной конструкции. Ближе к восточной стенке обнаружены девять бронзовых наконечников стрел, четыре костяных, круглых в плане, конических ворварки⁴ и бронзовые обоймочки.

По предположению авторов раскопок, погребение подвергалось ограблению неоднократно. Кроме указанного выше варианта, оно осуществлялось через грабительский ход, идущий к камере с севера. Об этом свидетельствует обнаружение на расстоянии 2 м от С части ровика входной ямы грабительского хода. Она прямоугольной формы размерами $2,2 \times 1,5$ м, прослеженная глубина составляет 4 м. При углублении до 3,4 м в СЗ углу обнаружены кости животного, разрозненные кости взрослого и фрагменты лутерия. Среди костей человека найдены костяное острие, фигурное изделие из кости и костяная рукоять ножа с обломанным лезвием.

Под Ю стенкой, в сторону камеры погребения № 3, устроен лаз общей протяженностью 9 м. Установлено, что первоначально он практически по всей длине прошел ниже уровня камеры на 1,2 м и лишь частично задел восточную ее часть. Именно этим, возможно, объясняется присутствие в конце лаза отдельных костей человека, а в самой входной яме – золотых двукольчатых подвесок, что свидетельствует все же об удачной попытке грабителей. Эти находки перекрывал трехсантиметровый слой затечного грунта. Находки, обнаруженные выше него, отражают, очевидно, еще одну попытку в ограблении, которая по обилию «потерянных» вещей наиболее удачна для грабителей и информативна для исследователей. Так, здесь обнаружены кости животных и человека, фрагменты железа и мелкие детали изделий из бронзы, принадлежность которых к определенному типу изделий не установлена. Найдены также бронзовая пряжка⁵

и фрагменты лутерия, три золотых двукольчатых подвески, три золотых пронизи с поперечным рифлением и бляха от узды «петушок». На разных уровнях заполнявшего яму грунта собрано восемь бронзовых трехлопастных наконечника стрел, две костяные рукоятки ножей, костяное цилиндрическое острие⁶, мелкие бронзовые колечки⁷ и маловыразительные фрагменты железного предмета, возможно, акинака. Подтверждением этого, по мысли Л. П. Крыловой, являются и находки двух костяных накладок от него.

Описание находок из основного погребения:

1. Подвески (7 экз.) двукольчатые максимальным диаметром 1,7 см из круглой проволоки сечением 2 мм. Концы соединены, ушко припаяно. Подвески изготовлены из золота 500 пробы, общий вес – 7,45 г (рис. 3: 2).

2. Пронизи (3 экз.) – золотые цилиндрические рубчатые, свернуты из тонкой пластины. Золото 375 пробы, с красным оттенком, общий вес изделий – 0,55 г. Длина – 1,3 см, диаметр продольного канала – 0,3 см (рис. 3: 3).

3. Бляха – «петушок» – бронзовая в виде морды фантастического животного со стилизованным глазом и клювом, размерами $3,5 \times 2,5$ см, максимальная толщина изделия 3 мм. На оборотной стороне – полуовальная петля размерами $1,4 \times 0,9$ мм (рис. 3: 4).

4. Ворварки (3 экз.) костяные, трапециевидные в сечении, круглые в плане, максимальный диаметр основания – 1,5 см (рис. 3: 6).

5. Копье – железное, фрагментировано, металл сильно корродирован. Предполагаемая длина – 30 см, диаметр втулки – 4 см.

6. Пуговицы – бляшки (2 целых, 4 фрагментированных экз.) изготовлены из тонкого листа бронзы (толщина до 1 мм), плоские с двумя отверстиями для крепления. Максимальный диаметр – 1,7 см (рис. 3: 5).

7. Обоймочки (9 целых и 4 фрагментированных экз.⁸) – бронзовые, из подовальной в сечении

⁵ В тексте отчета Л. П. Крыловой указана бронзовая пряжка из грабительского хода. В фондах ДНИМ среди артефактов отсутствует предмет, который можно идентифицировать с данным предметом.

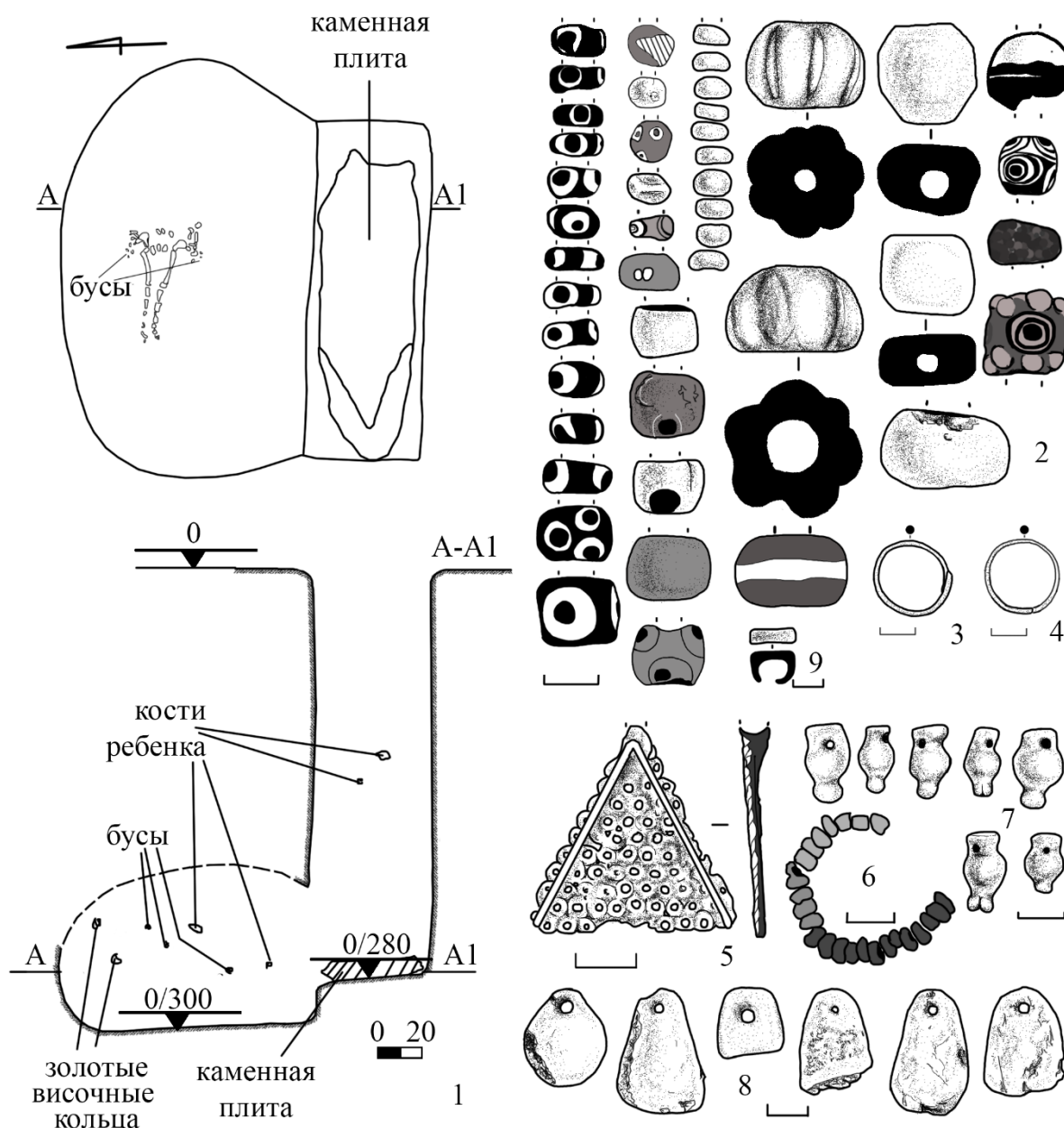
⁶ В фондах ДНИМ в коллекции находок из к. 2 у с. Калиновка в наличии только 1 костяное острие, речь о котором шла выше.

⁷ В фондах ДНИМ в коллекции артефактов из к. 2 у с. Калиновка данные артефакты отсутствуют.

⁸ В тексте отчета Л. П. Крыловой указано 7 обойм, в фондах ДНИМ хранится 9 целых и 4 фрагментированных экземпляра.

³ В фондах ДНИМ фрагмент котла не числится.

⁴ В тексте отчета Л. П. Крыловой указано 4 костяные ворварки, в фондах ДНИМ хранится 3, графическое изображение которых представлено в этой статье.

пластины, края не сомкнуты, со следами покрытия золотой фольгой, максимальные размеры $0,7 \times 1$ см.

8. Наконечники стрел бронзовые, выделены следующие типы (Мелюкова, 1964):

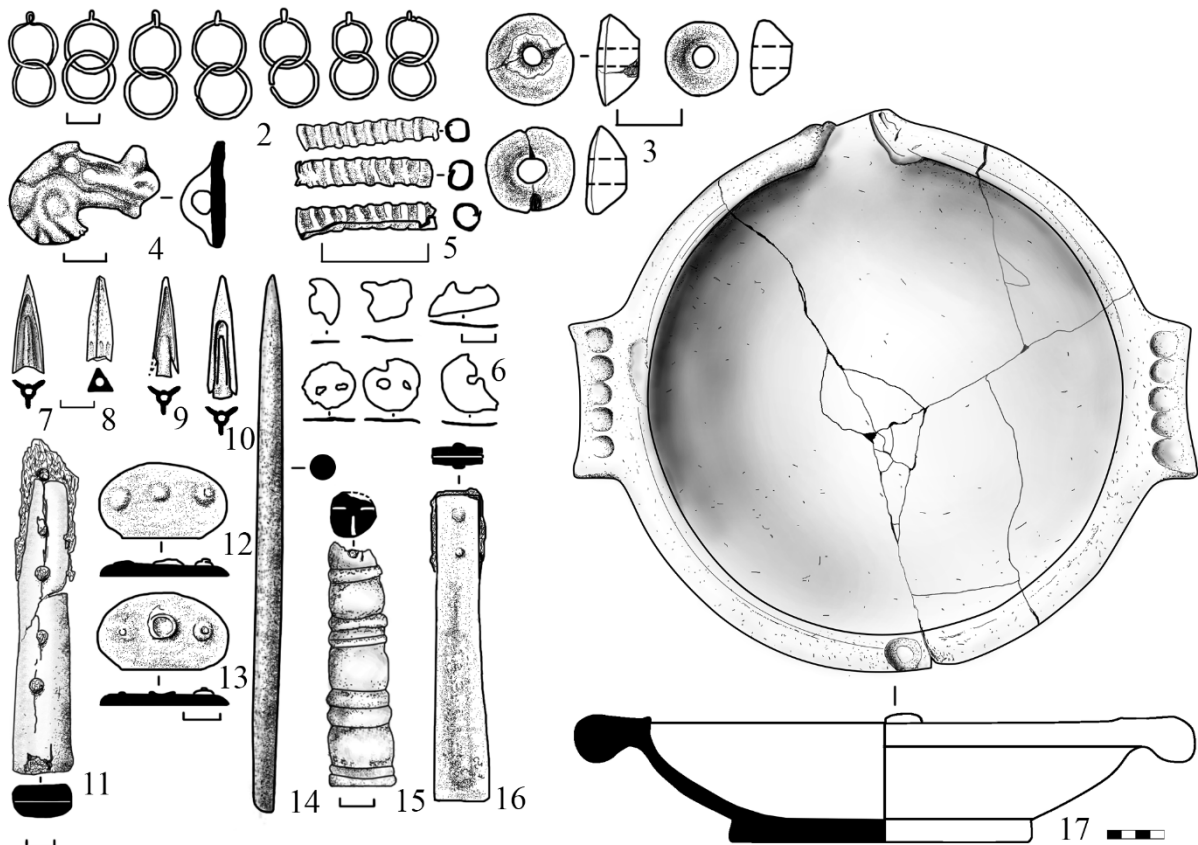
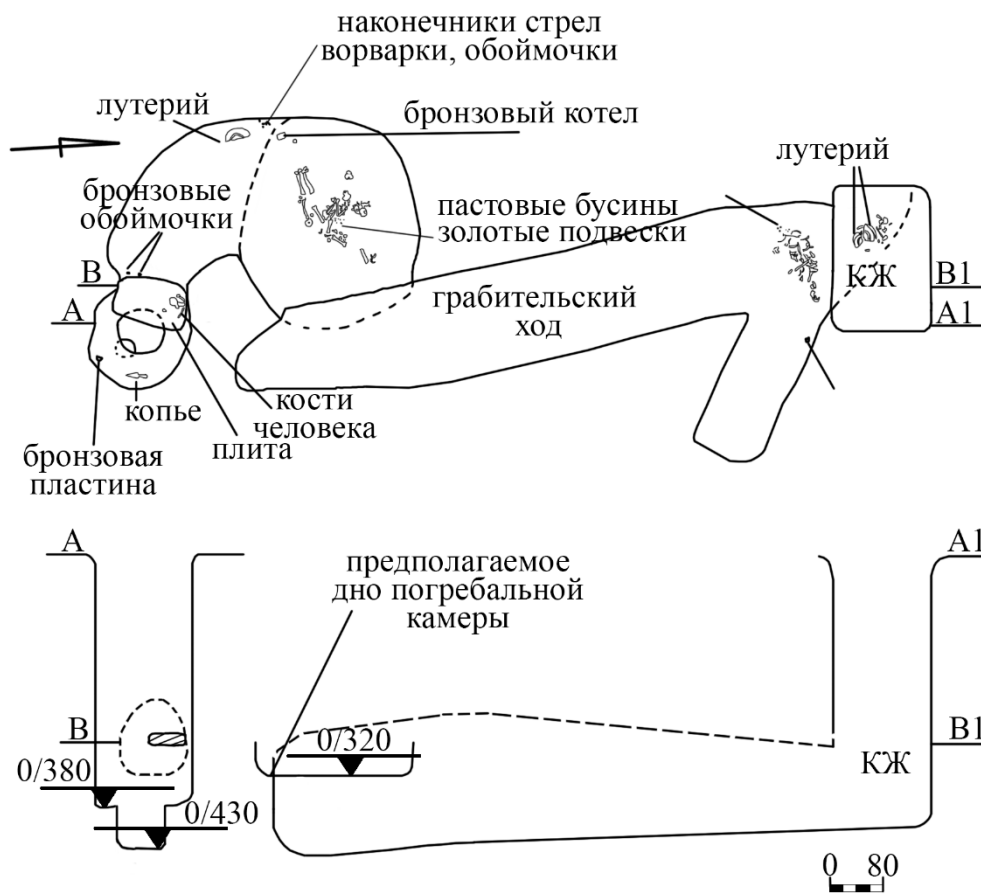
а) трехлопастные вытянуто-пирамидальной формы со скрытой втулкой и опущенными вниз концами лопастей (4 экз.). Средние размеры $3 \times 0,8$ см (рис. 3: 7). Отдел II, тип 6, вариант 7;

б) трехгранный пирамидальной формы со скрытой втулкой и П-образными углублениями на концах граней (рис. 3: 8). Средние размеры $3 \times 0,8$ см. Отдел III, тип 5, вариант 3 (1 экз.), вариант 4 (20 экз.);

в) трехлопастные вытянуто-пирамидальной формы с трехгранной головкой, незначительно выделенной втулкой и опущенными вниз концами лопастей (2 экз.). Размеры $3,5 \times 0,9$ см (рис. 3: 10). Отдел II, тип 4, вариант 8;

г) трехлопастные вытянуто-пирамидальные с выделенной втулкой. Концы лопастей опущены и заострены (7 экз.). Размеры $3,5 \times 0,9$ см (рис. 3: 9). Отдел II, тип 4, вариант 11.

8. Рукоять ножа с обломанным железным лезвием – накладки костяные, поверхности заполированы, скреплялись по центру пятью железными заклепками. Длина сохранившейся части изде-

лия – 10 см, максимальная ширина 1,9 см, толщина – 1,3 см (рис. 3: 11). В фондах ДНИМ к находкам из к. 2 у с. Калиновка относится еще один нож (рис. 3: 16) типологически сопоставимый с вышеописанным.

9. Накладки (2 экз.) – костяные полусферической формы от меча, крепились между собой с помощью сохранившихся железных заклепок. Размеры – $3,5 \times 2,1 \times 0,2$ см (рис. 3: 12, 13)

10. Детали составного веретена (?) – представлены гладко отполированным цилиндрическим стержнем сохранившейся длиной 18,2 см. Края сломаны, визуально несколько утончены (рис. 3: 14). Резная часть в виде конического, выточенного на токарном станке изделия с чередующимися, попарно расположенными, бороздками-валиками. Верхний конец обломан. Сохранившаяся длина – 7,5 см (рис. 3: 15).

11. Лутерий – кружальный, керамический сосуд с кольцевидным выделенным дном, коническим туловом, уплощенным, отогнутым наружу широким краем венчика, образующим симметричные ручки. Напротив носика-слива помещен небольшой уплощенный налп. Диаметр дна – 20 см, устья – 50 см (рис. 3: 17).

Таким образом, все погребения к. № 2 калиновского могильника определяются как скифские и совершены в однотипных катакомбных могилах. По классификации В. С. Ольховского, они относятся к 1 типу (1–2 варианты), который объединяет бездромосные или однодромосные однокамерные сооружения с параллельными длинными осями входной ямы и камеры. Они получают распространение в Причерноморье в IV–III вв. до н. э. (Ольховский 1977, с. 117). Важным временным показателем является и такая черта погребального обряда как поза и ориентация погребенных. В нашем случае все скелеты лежат вытянуто на спине головой на восток, что согласно исследованиям В. Ю. Мурзина также указывает на IV–III вв. до н. э. (Мурзин 1982, с. 53).

Бронзовая бляха-петушок как один из аксессуаров конской сбруи, по данным С. А. Скорого, достаточно широко представлена в скифских комплексах второй половины IV в. до н. э. (Скорый 2014, с. 124). Примечательно, что аналогичные изделия происходят из таких знаковых курганов Степной Скифии, как Гайманова Могила, Чертомлык, Бабина Могила. Для Лесостепи А. Д. Могилов также отмечает присутствие аналогичных блях в курганах Тясминской подгруппы, Посулья, Северскодонецкой группе и др. и относит их к IV в. до н. э. (Могилов 2008, с. 53).

Датирующими для основного погребения выступают, прежде всего, наконечники стрел. Часть из них принадлежит типам II отдела, относимого А. И. Мелюковой к третьей хронологической группе второй половины V – начала IV вв. до н. э.

(Мелюкова 1964, с. 16–17). В то же время подавляющее количество из найденных наконечников (21 экз.) типологически представлены в двух типах III отдела используемой классификации, что позволяет датировать их серединой IV – первой половиной III в. до н. э. (Мелюкова 1964, с. 17). При этом важным представляется замечание самой А. И. Мелюковой о том, что «комплексы наконечников стрел второй половины IV и IV–III вв. до н. э. мало чем отличаются» и широко представлены в царских и рядовых курганах Поднепровья (Мелюкова, 1964, с. 25).

Достаточно редко в скифских погребениях, и не только Надпорожья, присутствуют составные веретена. Найденное в п. № 3 относится ко второму типу изделий, известных в материалах античных городов Северного Причерноморья (Петерс, 1986, с. 57–60). Близкий нашему экземпляру (Петерс, 1986, с. 58–59, табл. X: 17) происходит из Хоминой могилы, датируемой концом IV – началом III вв. до н. э. (Мозолевский, 1973, с. 231, рис. 37). Ю. В. Болтрик и Е. Е. Фиалко также отмечают, что веретена с дисковидными насадками использовались населением Боспора и скифами с середины IV и практически до первой четверти III вв. до н. э. (Болтрик, Фиалко, 2007, с. 46.) В хронологических рамках III–II вв. до н. э. в античных городах Северного Причерноморья бытует и такой тип посуды как лутерий (Кастанаян, Арсеньева, 1984, с. 328, табл. CXXXVII, рис. 60). Его присутствие в составе инвентаря основного погребения отражает не только торгово-экономические связи, но, очевидно, и подчеркивает, в силу редкой встречаемости этого типа изделий в скифских древностях, определенный статус погребенных лиц.

Все вышесказанное, позволяет датировать п. № 3 второй половиной IV – началом III вв. до н. э. К этому же времени относятся, очевидно, и детские захоронения кургана. Достаточно сказать, что присутствующие в погребении бусы с внутренним золочением появились в Северном Причерноморье в III в. до н. э. (Алексеева, 1984, с. 238).

Обращаясь к вопросу о прижизненном статусе погребенных основного п. № 3 рассматриваемого кургана у с. Калиновка следует отметить ряд признаков, которые являются маркерами социальной стратификации скифского общества и уже получили признание среди исследователей. К ним, согласно Б. Н. Мозолевскому (Мозолевский, 1979, с. 156–157), В. А. Ильинской и А. И. Тереножкину (Ильинская, Тереножкин 1983, с. 121), Ю. В. Болтрику (Болтрик, 2001, с. 78–80) и др., относятся размеры курганный насыпи, наличие ровика со следами тризны и крепиды или других конструкций из камня. Перечисленные составляющие, как было показано выше, характеризуют

рассматриваемый комплекс. Кроме них, определяющими являются, безусловно, тип погребального сооружения (размеры, элементы оформления и пр.) и состав сопутствующего инвентаря. Поскольку в основном погребении присутствует часть стенки металлического котла, то нами, в связи с проведенным ранее исследованием, предложен возможный ранг «держателя котла» кургана у с. Калиновка. В соответствии с разработанными нами критериями для скифских погребений «держателей котлов», мужчина из основного погребения при жизни был главой рода нижней аристократической прослойки скифского социума (Ромашко, 2015, с. 151).

Относительно связи трех детских погребений кургана – №№ 1, 2 и 4 с основным погребением, ситуация усложнена отсутствием стратиграфически аргументированной их позиции в качестве одновременных или впускных захоронений. В связи с этим представляется необходимым высказать некоторые предположения. В том случае, если детские погребения совершены одновременно или после основного погребения, то, учитывая типологическую близость погребальных сооружений и состав сопутствующего инвентаря, можно, очевидно, рассматривать их как членов или близких родственников тех, кто захоронен в основной могиле. В данном случае можно согласиться с существующим мнением о том, что однотипность погребальных конструкций, представленных в одном кургане или могильнике, предполагает родовую или племенную близость погребенных (Ольховский, 1977, с. 127).

При одновременности основного и детских разновозрастных погребений в катакомбах, возможен и вариант их зависимого, подчиненного положения. В таком случае заслуживает внимания тот факт, что сопровождающие погребения совершены в специально устроенных для них однотипных могилах. Такая традиция отмечена в ряде скифских курганов сопредельных территорий. Например, при раскопках Двугорбой могилы в Донецкой области, могилы мужчины-слуги с предметами вооружения и орудиями труда находились вне основной двухкамерной катакомбы (Привалова, Зарайская, Привалов, 1982, с. 148–178). О существовании у сарматов, хунну и других народов древности обряда обращения в рабство детей и подростков пишет А. М. Хазанов (Хазанов, 1975, с. 143, 147). Присутствие среди погребенных в основной могиле ребенка как возможного наследника достаточно высокого социального статуса отца, и позволяет соотнести именно с ним рассматриваемую группу детских погребений.

Выводы. Все сказанное позволяет определить время возникновения курганного могильника у с. Калиновка в Днепровском Надпорожье энеолитом по присутствию постмариупольских погребений, которые маркируют появление курганного обряда в Степи и Предстепье Украины. Дальнейшее его функционирование связано с эпохой бронзы, представленной ямными и срубными комплексами. Позднейший культурно-хронологический пласт образуют скифские погребения, отражающие процессы социальной стратификации общества.

Библиографические ссылки

- Алексеева, Е. М. 1984. Бусы и подвески. В: Кошеленко, Г. А. (ред.). *Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР*. Москва: Наука, с. 237–239.
- Болтрик, Ю. В. 2001. Соціальна стратифікація Скіфії періоду «золотої осені». *Магістеріум. Археологічні студії*, 6, с. 78–80.
- Болтрик, Ю. В., Фіалко, О. Є. 2007. Веретена з дископодібними насадками зі скіфських пам'яток. *Археологія*, 3, с. 42–47.
- Ильинская, В. А., Тереножкин, А. И. 1983. *Скифия VII–IV вв. до н. э.* Киев : Наукова думка.
- Кастанаян, Е. Г., Арсеньева, Т. М. 1984. Керамика. В: Кошеленко, Г. А. (ред.). *Античные государства Северного Причерноморья. Археология*. Москва : Наука, с. 229–232.
- Ковалева, И. Ф. 1984. *Север Степного Поднепровья в энеолите-бронзовом веке*. Д. : ДНУ.
- Ковалева, И. Ф. 2001. К выделению территориальных групп в постмариупольской культуре. *XV Археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции*. Оренбург : ООО «Оренбургская губерния».
- Крылова, Л. П., Елинов, И. М. 1973. *Отчет Днепропетровского исторического музея за 1973 г. (с. Калиновка, Привольное и с. Васильевка Солонянского р-на)*. Науковий архів ІА НАНУ, № 1973/6е.
- Крылова, Л. П., Елинов, Л. П. 1975. Раскопки курганов в Днепропетровской области. *Археологические открытия 1974 года*. Москва: Наука, с. 306–307.
- Мелюкова, А. И. 1964. *Вооружение скифов*. Москва: Наука.
- Могилев, О. Д. 2008. *Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи*. Київ; Кам'янець-Подільський.
- Мозолевский, Б. Н. 1973. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские древности*. Киев : Наук. думка, с. 187–235.
- Мозолевский, Б. М. 1979. *Товста Могила*. Київ : Наук. думка.
- Мурзин, В. Ю. 1982. Погребальный обряд степных скифов VII–V вв. до н. э. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности степной Скифии*. Киев : Наукова думка, с. 47–64.

Ольховский, В. с. 1977. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье. *Советская археология*, 4, с. 108–128.

Петерс, Б. Г. 1986. *Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья*. Москва: Наука.

Привалова, О. Я., Зарайская, Н. П., Привалов, А. И. 1982. Двугорбая Могила. В: Теренозкин, А. И. (ред.). *Древности Степной Скифии*. Киев : Наукова думка, с. 148–178.

Ромашко, О. В. 2015. [Текст]: *Металеві казани скіфської культури (VII–III ст. до н. е.)*. – Дис... канд. істор. наук, 07.00.04, Київ.

Скорый, С. А., Зимовец, р. 2014. *Скифские Древности Крыма. Материалы одной коллекции*. Киев : Видавець Олег Філюк.

Хазанов, А. М. 1975. *Социальная история скифов*. Москва : Наука.

References

Alekseyeva, E. M. 1984. Busy i podveski. [Beads and pendants]. V: Koshelenko, G. A. (red.). *Antichnyye gosudarstva Severnogo Prichernomoria. Arkheologiya SSSR. [Ancient states of the Northern Black Sea Region. Archeology of USSR]*. Moskva: Nauka., p. 237–239.

Boltryk, Yu. V. 2001. Sotsialna stratifikatsiia Skifii periodu «zolotoi oseni». [The social stratification of the Scythian in the «golden autumn» period]. *Mahisterium. Arkheologichni studii [Magisterium. Archeological studios]*, 6, p. 78–80.

Boltryk, Yu. V., Fialko O. E. 2007. Veretena z diskopodobnymi nasadkami zi skifskikh pam'iatok [Spindle with disk shaped nozzles from Scythian monuments]. *Arkheolohiia [Archeology]*, 3, p. 42–47.

Ilinskaya, V. A., Terenozhkin, A. I. 1983. *Skifiya VII–IV vv. do n. e. [The Scythian VII–IV c. BC]*. Kiyv: Naukova dumka.

Kastanaian, E. H., Arseneva, T. M. 1984. Keramyka. V: Koshelenko, G. A. (red.) *Antychnye gosudarstva Severnogo Prichernomoria. Arkheolohiia. [Ancient states of the Northern Black Sea Region. Archeology]*. Moskva: Nauka, p. 229–232.

Kovaleva, Y. F. 1984. *Sever stepnogo podneprov'ia v Eneolite-Bronzovom veke [The Northern Black Sea Region in the eneolithic-bronze age]*. D. DNU.

Kovaleva, Y. F. 2001. *K vydeleniiu terrytorialnykh hrupp v postmaryupolskoi culture [By selection of the territorial group of the postmariupol culture]*. KhV Arkheolohicheskoe Soveshchanye. Tezysy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [The conference of Archeology. Articles of the inter-university scientific conference]. Orenburh. OOO «Orenburhskaia Huberniya».

Krylova, L. P., Elinov, I. M. 1973. *Otchet Dnepropetrovskogo istoricheskogo muzeya za 1973 g. (s. Kalinovka, Privolnoye i s. Vasilyevka Solonyanskogo r-na). [Report of Dnipropetrovsk historical museum in 1973. (v. Kalinovka, Privolnoye, Vasilyevka Solonyanskogo region)]*. Naukoviy arkhiv IA NANU, №№ 1973/6e, 27s. 10 ris. 27 tabl.

Krylova, L. P., Elinov, L. P. 1975. Raskopki kurganov v Dnepropetrovskoy oblasti. [The excavation in Dnipropetrovsk region]. *Arkheologicheskiye otkrytiya*

1974 goda [The archeology discovery 1974 year]. Moskva: Nauka, p. 306–307.

Melyukova, A. I. 1964. *Vooruzhenie skifov [The weapons of the Scythians]*. Moskva.: Nauka.

Mohylov, O. D. 2008. *Sporiadzhennia konia skifskoi doby u lisostepu Skhidnoi Yevropy. [The equipment of a horse Scythian period in the European Steppe]*. Kyiv; Kam'ianets-Podilskyi.

Mozolevskiy, B. N. 1973. Skifskiy pogrebeniya u s. Nagornoye bliz g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovshchine. [Scythian tombs near v. Nagorne near Ordzhonikidze in Dnipropetrovsk region]. V: Terenozhkin, A. I. (red.). *Skifskiy drevnosti [Scythian antiquities]*. Kiyv: Nauk. dumka, p. 187–235.

Mozolevskiy, B. M. 1979. *Tovsta Mohyla. [The Tovsta Tomb]*. Kyiv: Naukova dumka.

Murzin, V. Yu. 1982. Pogrebalnyy obryad stepnykh skifov VII–V vv. do n. e. [The funeral rite of steppe Scythians VII–V BC]. V: Terenozhkin, A. I. (red.). *Drevnosti stepnoy Skifii. [Antiquities of the steppe Scythia]*. Kiyv: Nauk. dumka, p. 47–64.

Olkhovskiy, V. S. 1977. Skifskiy katakomby v Severnom Prichernomorye [Scythian's tomb of the Northern Black Sea Region]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archeology]*, 4, p. 108–128.

Peters, B. G. 1986. *Kostoreznoye delo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomoria [The bone carving in the Ancient states of the Northern Black Sea Region]*. Moskva: Nauka.

Privalova, O. Ya., Zarayskaya, N. p., Privalov, A. I. 1982. Dvugorbaya Mogila [The Dvugorbna Tomb]. V: Terenozhkin, A. I. (red.). *Drevnosti Stepnoy Skifii [Antiquities of Steppe Scythia]*. Kiyv: Naukova dumka, p. 148–178.

Romashko, O. V. 2015. [Текст]. *Металеві казани скіфської культури (VII–III ст. до н. е.)*. [Metals cauldrons in the Scythian culture (VII–III c. BC)]. Dys. kand. istor. nauk. 07.00.04 Kyiv.

Skoryy, S. A., Zimovets, R. 2014. *Skifskiy Drevnosti Kryma. Materialy odnoy kolleksii. [Scythian antiquities of Crimea. Materials of the one collection]*. Kiyv.

Khazanov, A. M. 1975. *Sotsialnaya istoriya skifov. [The Scythian social history]*. Moskva: Nauka.